

«Я стоял первым на левом фланге...»

К. И. Кольман.
На Сенатской площади
14 декабря 1825 года.
1830-е годы.

Письма солдата о восстании 14 декабря 1825 года и о войне с персами

Внутренний мир «простого» русского человека первой половины XIX века неизвестен. Простонародье обычно не писало писем и тем более мемуаров, поскольку в основном было попросту неграмотно. Тем более интересными представляются хранящиеся в отделе письменных источников Государственного Исторического музея письма солдата Петра Фатеева, не только довольно грамотного, но интересно и образно излагающего свои мысли. Материал этот поистине уникален, ибо писем солдат 20-х годов XIX века практически не сохранилось. По письмам П. Фатеева прослеживается вся его необычная судьба. Он проживал в Тамбовской губернии и в рекруты попал из дворовых, поскольку неплохо знал грамоту.

Молодым солдатом по воле судьбы и по приказу офицера-декабриста становится участником восстания на Сенатской площади. «Две тысячи солдат и вдесятеро больше народу были готовы на все по мановению начальника», — писал в своих воспоминаниях декабрист А. Е. Розен.

Петр Фатеев служил, скорее всего, в Московском полку. Именно этот полк почти в полном составе стоял на Сенатской площади и сделал несколько залпов. За «эту самую стрельбу» Фатеев был арестован и, можно предположить, как многие его товарищи — солдаты, заключен в Петропавловскую или Выборгскую крепость, затем осужден на каторжные работы в Сибирь, но по распоряжению императора

Николая I отправлен, как и большинство его однополчан, в действующую армию на Кавказ. Здесь он стал участником русско-персидской войны 1826—1828 годов, был тяжело ранен, потерял ногу и мог бы совсем пропасть, если бы не постригся в монахи Св. Пантелеймонова монастыря на Афоне.

1

Дорогие родители, я, по милости Нашего Господа Иисуса Христа, жив и здоров, чего и Вам желаю, в делах Ваших скорого и счастливого успеха и преуспевания. Эту грамоту посылаю Вам с Николаем Егоровичем, коего по его великой болезни совсем отпустили домой. За седмицу (неделю. — Л. С.) до праздника Рождества Госпо-

да Нашего Иисуса Христа великое деяние совершилось в стольном граде С.-Петербурге. Полк, где я верую и правдою служу, не хотел принять святую присягу, а вышел в амбундировании на улицу Сенатской площади и стал стрелять, как на войне все равно, есть и убитые, а присягу святую приняли на верность служить новому Императору Николаю Павловичу. За стрельбу много арестовали начальников разных, офицеров. Я стоял первым на левом фланге и стрелял. Много стреляли. Холодно дюже было, но руки не зазябли, ружье было горячо и рукам тепло. Офицера, коих арестовали, все хорошие господа.

Поклон всем родным и знакомым. Жив, здоров буду, напишу еще письма. Счастливо оставайтесь все. Храни Вас Бог и Царица Небесная. Передайте поклон тетушке Лукерье Евдокимовной и дядюшке Матфею Петровичу и всем вообще родным.

Мяса по постам не дают.

Больше пока писать нечего.

Петор сын Фатеев.

2

Дорогим родителям низко-пренизко кланяюсь до матушки сырой земли.

Великое несчастье постигло меня. За стрельбу зимой на Сенатской площади меня приказали посадить. От этого я долго и не писал Вам. Сидеть дюже плохо: били, не кормили. Теперь я опять на воле. Мне был суд. На суд я попал вместе со своими товарищами. Много нас было, почти что сотня, аль более было нас. Дюже страшно на суде было. Судили там господа разные в медалях с царем на шее (орденах. — Л. С.), долго судили, и сам новый Государь Император, его Императорское величество Николай Павлович тоже судил нас. Присудили всех на каторжные работы за эту самую стрельбу в Сибирь. Но Царь наш батюшка смилостивился и дал такой указ суду, чтобы наш весь полк отправить на войну с персиянами, так что я, небось, скоро уеду и когда приеду на родину, не ведомо.

Прощайте, дорогие мои родители и все знакомые.

Умные люди говорят, далеко эти самые персияне-то живут, не скоро до них доберемся.

Жив буду, вернусь.

Эту <грамоту> посылаю с одним человеком, который знает нашего барина Бунина (?) (Фамилия неразборчива: сгиб письма. — Л. С.)

Больше пока писать не буду, а то не велят нам, опять в острог посадят. Будьте счастливы. Молитесь за меня Господу Богу.

Петор Фатеев.

3

Ну, дорогие мои родные, конец, небось, пришел моей жизни. Как я Вам писал, меня осудили на каторжные работы в Сибирь, значит, но Царь помиловал и послал нас воевать с персиянами. Но лучше бы, дорогие родители, не помиловали. В Сибири, небось, куда лучше, на месте бы были, а то сейчас идем к этим самым персиянам какими-то Капказ[с]кими горами, лазаем, лазаем, прыгаем, как козы, прости Господи, а конца-краю нет. Много прошли, а иттить еще больше надо. Много дорогой умерли, свалились в пропасть, так там и остались, достать их никак нельзя, пропасти больно глубокие. Сапоги истрепались, рубахи, штаны изорвались, хлеба не вдостачу, воды не скоро найдешь, больных не счесть, как мухи мрут каждоденно.

Письмо от Данила Петровича получил. Представил его Корней Мироныч и порассказал он, ажно волос дыбом становится. Сердце так и тянет на родину, верю, что там дюже быют мужиков, которые, значит, волнуются. Сам видал, как мужиков раз били, их и били, кровь сикала (била струей. — Л. С.), в Киевской губернии, когда гнали на эту самую войну нас, ну и видел. Жалко дюже их, не за что ведь. Последние времена настали, тяжело приходится жить,дохнуть нельзя. Мужики все барин, к примеру, как наш. Но есть и хорошие, к примеру, офицера, какие стреляли на площади, то казнили их, говорят. Царь новый приказал, а хорошие люди, ух какие хорошие.

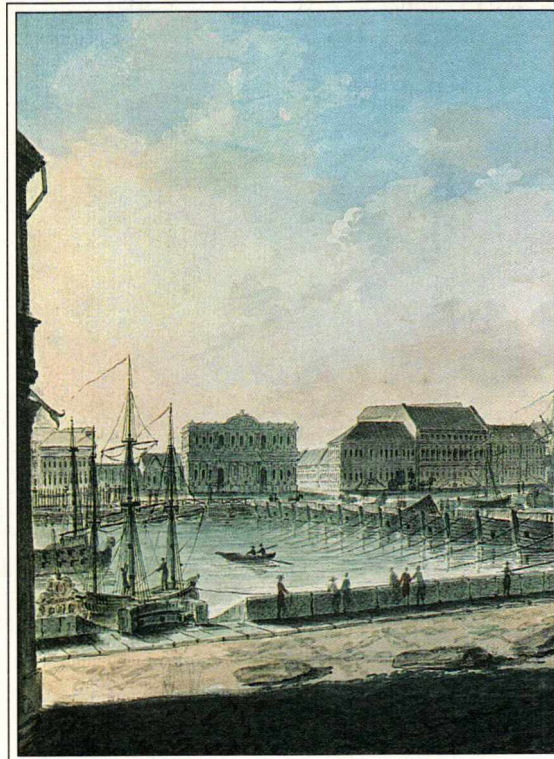
Писать больше нечего. Сейчас опять по горам сигать пойдем. Дойтить бы скорее, убитому куда лучше, а то ноги нейдут, все в музлях больные.

Прощайте, небось не увижу Вас. Передайте низкий-пренизкий поклон всем, кто меня знает и кого я знаю.

Помоги Вам Бог во всех Ваших начинаниях.

С этим человеком отпишите все вообще.

Остаюсь П. А. Фатеев.

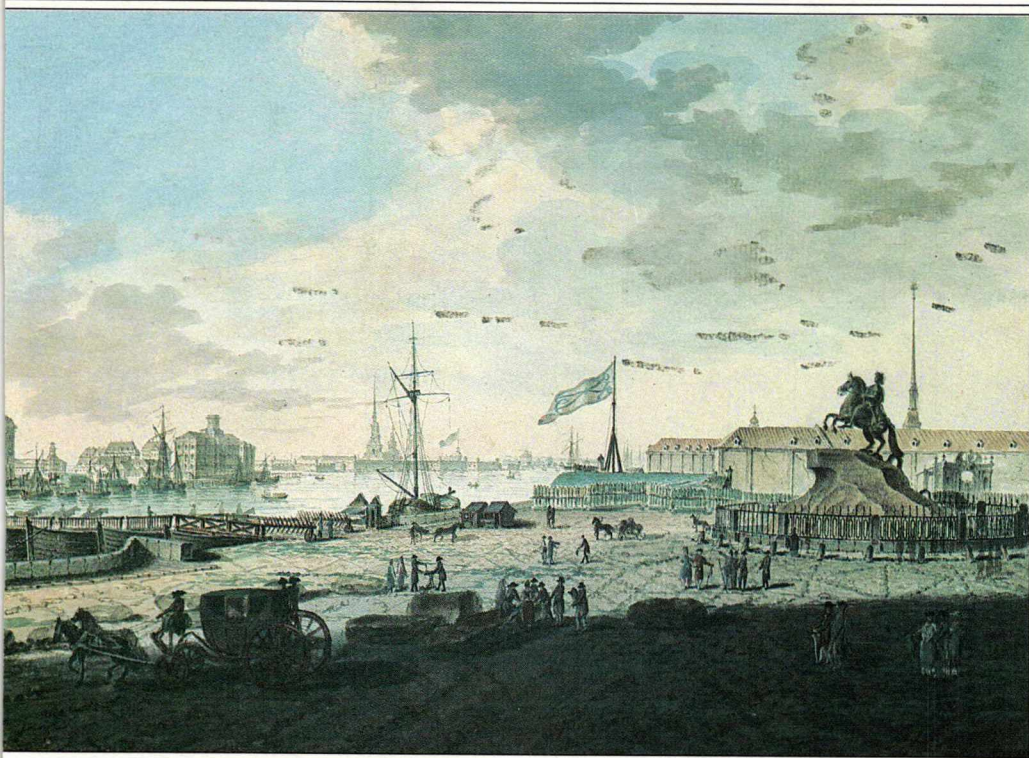
4

Здравствуйтесь, дорогие мои родители, все вообще родные и знакомые!

Поздравляю Вас всех с прошедшим праздником Светлого Христова Воскресения и Святой Пятидесятницы (Троицы. — Л. С.). Я по милости Всевышнего жив. Ваше уведомление о своем здоровье получил.

Спешу Вас уведомить: со мною случилось несчастье. Однажды ночью пошли мы в битву с персиянами. Много дрались, убитых не счесть. Мне отрезали теперь правую ногу выше голени, так как она у меня раздробленная была. Сейчас я нахожусь в больнице, когда выйду, не ведаю. И вот я остался теперь калека, что буду делать, не знаю. Придется с сумкой по миру ходить. Вы обо мне дюже очень не горюйте, на все, стало быть, Воля Господа Бога. Оно, конечно, лучше бы было, если [бы] угнали не на войну, а в Сибирь, нога, небось, была бы цела. Прожил бы там положенный срок, глядишь, и приехал на родину к дорогим моим родным. На все, видно, Воля Всевышнего. Сказано: ни один волос не упадет с головы без Его повеления. Передавайте с любовью мой низкий поклон Мелании Степановной и Гликерии Поликарповной, но не говорите, какое несчастье постигло меня. Они дюже разнедужатся, небось.

Сообщите, как на дорогой мне родине, все спокойно, не быют теперь,

Ж.Б. де ла Траверс. Вид на Петровскую площадь и Васильевский остров.

поди, мужиков? Чудные дела Твои, Господи, творятся. Я видал сам, как мужиков били насмерть, забивали бунтовщиков батогами, по мертвым отходную читали.

Пропишите, как у Вас, все успокоились или нет, жив ли барин? Я, по Божией милости, жив. Здоров буду, приеду. Может, опять примут работать? В поле без одной ноги нельзя, а сторожем на бахчи аль в огород, небось, го-жусь. Но скоро не ждите. Нога дюже болит.

Желаю Вам всякого преуспевания и в делах ваших скорого и счастливого успеха. В ожидании, прощайте.

Ваш Петор Фатеев.

5

Спешу Вас порадовать великою радостью, ниспосланной мне Вашими молитвами и Господом Богом.

Здоровье мое поправилось совсем, нога поджила, так что я теперь хожу на костыляшке, и то благодарение Богу Всевышнему. Домой я не приду, мне нельзя, уж теперь поступил указ от Государя Императора, как только я поправлюсь, отправить меня в Сибирь за энту самую стрельбу на Сенатской площади. Многие множество из нашего полку отправили уж всех калек: у кого нет руки целой, у кого по кисти нет, а все-таки их отправили, но меня

теперь отправлять не будут. Хорошие люди научили меня, как быть. Я и написал прошение самому Государю Императору Николаю Павловичу и он, Царь батюшка, значит, все мне простил и мою стрельбу зимою на Сенатской площади. В прошении ему я говорил, ногу потерял я, сражаясь за него с персиянами. В Сибирь меня не посылали и не пошлют теперь, а дали разрешение уехать на Святую гору Афон для молитвы и поста. Об этом я и просил его. Сейчас мне прочитали бумагу из С.-Петербурга и я тепереча скоро буду собираться в путь. Сначала схожу в Св. Иерусалим, а потом стопы свои направлю на Св. Афон и постригусь там в монахи. Домой мне заходить не велено, этого царь не разрешил. Тепереча моей жизни пришел конец. Вас и знакомых родных своих не увижу.

Прощайте, не поминайте лихом. Писать больше не могу. Слезы льются из глаз. Прощайте все. Не забывайте меня. Я тепереча скоро буду монах. Буду денно и нощно молиться за Вас перед престолом Всемогущего.

П. Фатеев.

6

10 декабря 1833 [?] г.

Св. гора Афон.

Достоуважаемые и родные Даниил

Петрович и Наталия Степановна!

Посылаю Вам свое усердное почтение с пожеланием от Господа здоровья, спасения и в делах Ваших всякого благополучия! Мое путешествие по милости Божией совершилось благополучно, как во Св. град Иерусалим, так и до Афона, куда я прибыл 29 октября в Русский Пантелеймонов монастырь, принят радушно. Живу и утешаюсь церковною службою, порядками монастыря и внешнею природою Св. Горы. Братии в монастыре 700 человек, иеромонахов 84 чел., иеродиаконів 33 и еще живут по разным местам 500 чел.

Испрашивал на Вас мир и благословение Божие.

Остаюсь, желатель Вашего здравия и спасения, недостойный Иеромонах Исайя.

7

Христос Воскресе!

Достоуважаемая Наталья Степановна!

Мир Вам и спасение от Господа, Царицы Небесной и Св. горы Афонской!

Поздравляю Вас с Высочайшим праздником Светлого Христова Воскресения, дай Бог Вам праздновать оный в радости духовной, добром здравии и всяком благополучии. Как Вас Господь милует, все ли Вы живы и здоровы? Напишите мне. Я, по милости Божией, благоденствую, чего и Вам от души желаю, и испрашивал на всех Вас мир и благоденствие Божие, остаюсь Ваш сомолитвенник недостойный Иеромонах Исайя. Передайте мое усердное поклонение Николаю Егоровичу и Наталии Матвеевны, с Боголюбивым их семейством.

Адрес пишите так:

Чрез город Одессу, на Афон (Турция). В почтовое отделение Русского общества, Св. Троицкой Общежительной келии, старцу Иеромонаху Серафиму. С передачей Иеромонаху Исайи, Тамбовскому.

Письма публикуются по копиям конца XIX века (ОПИ ГИМ. Ф. 292. Ед. хр. 281. Л. 146—152 об.).

Пунктуация и орфография приближена к современной, все стилистические особенности сохранены.

Предисловие и публикация
Людмилы Сахаровой